

СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА И ФЕНОМЕН ЛИЧНОСТИ Н. И. НОВИКОВА

Согласно некоторым концепциям, сформировавшимся в русле философского знания, термин «личность» может быть проинтерпретирован в трех направлениях: «Человек выступает здесь в своей целостности: 1) как участник историко-эволюционного процесса, носитель социальных ролей и программ социотипического поведения, субъект выбора индивидуального жизненного пути, в ходе которого им осуществляется преобразование природы, общества и самого себя; 2) как диалогичное и деятельностное существо, сущность которого порождается, преобразуется и отстаивается в совместном существовании с другими людьми; 3) как субъект свободного, ответственного, целенаправленного поведения, выступающий в восприятии других людей и в своем собственном в качестве ценности и обладающий относительно автономной, устойчивой целостной системой многообразных, самобытных и неповторимых индивидуальных качеств» [1. С. 401].

Общим компонентом всех трех определений является связь феномена индивидуальности с процессом деятельности. Теории, содержащие анализ поведенческих стратегий индивидов в ходе культурной деятельности, зачастую апеллируют к концепции, предполагающей наличие генетической взаимозависимости этих двух феноменов. Большинство исследователей советской эпохи стремились вывести определение личности на основе анализа индивидуальной деятельности в контексте материального или духовного созидания, следуя концепции К. Маркса: «Личность это совокупность общественных отношений» [2. С. 599].

Социокультурный характер феномена личности вызывал интерес представителей советских философских школ. Одним из наиболее известных исследователей в этой сфере является Л. С. Выготский. В основе его оригинального подхода лежит следующая концепция: «Личность, таким образом, есть понятие социальное, она охватывает надприродное, историческое в человеке» [3. С. 867]. Автор акцентирует внимание читателя на том, что: «Она (личность) неврожденна, но возникает в результате культурного развития, поэтому “личность” есть по-

нятие историческое. Она охватывает единство поведения, которое отличается признаками овладения» [Там же].

В подавляющем большинстве случаев личность стремились определить, исследуя закономерности процесса социокультурного созидания. Индивидуальность великих представителей культуры могла быть всецело объяснена с помощью анализа общественных и экономических отношений. При этом в исследовательском дискурсе (вне зависимости от социокультурной специфики изучаемой исторической эпохи) доминировала современная интерпретация проблем личности и индивидуальности. Утверждения об историчности новременной концепции личности зачастую просто игнорировались (современная концепция индивидуальности в значительной степени является результатом культурно-исторического процесса). Значительные изменения в мировоззрении исследователей были инициированы появлением теоретических работ представителей французской школы Анналов, когда в сферу анализа попадают проблемы эволюции научных терминов в контексте исторического прогресса. Тезис о синхронной изменчивости этимологии определений оказал значительное влияние на все области наук об обществе.

В настоящее время процесс развития гуманитарного знания в России привел к появлению оригинальных концепций, позволяющих по-новому осмыслить феномен личности в новременном историко-культурном контексте. В основе теории, выдвинутой Л. М. Баткиным, лежит высказывание о том, что феномен личности действительно связан с процессом деятельности, однако основными признаками личности являются не столько индивидуальные особенности стиля деятельности, сколько специфика выбора, лежащего в основе мотивации индивида.

Одним из важнейших параметров личности является ее самодетерминация. По мнению указанного автора, «личность» – это всегда решение. Немаловажно то обстоятельство, что в основании решения не лежит ничего, кроме индивидуального выбора, в процессе которого личность не ищет опоры ни в сакральном про-

странстве, ни в коллективном поведении. Соотношение феномена личности и проблем индивидуальности в традиционном обществе предполагает наличие ориентации на определенные, заданные образцы: «Внутри традиционалистских систем сходство и различие между людьми расценивалось в терминах “пример” и “подражание”. Особенность индивида состояла, строго говоря, не в его Я, как таковом, но в общезначимом пороке или добродетели. Она могла или даже должна была быть отчуждена от Я, передана, воспроизведена, повторена. Индивидуальная закреплённость и отличие поначалу были, как известно, опознаны в виде “персоны”, “личины”, маски родовой судьбы» [4. С. 12].

Нововременная революция в сознании привела к изменению типа самоидентификации индивида. Изменение в типе мышления привело к формированию самодетерминируемых личностных единиц: «Принятие принципа, согласно которому отдельно стоящий индивид значит бесконечно много, просто в качестве такового, а не потому, что он есть частица чего-то огромного, не в силу почетного представительства, причастности и пр., переворачивало мир, просуществовавший тысячелетия» [Там же].

Первым критерием грандиозного переворота, произошедшего в культуре в период с XV по XVII в., может быть названо формирование нового этимологического контекста термина «личность». Вторым значимым параметром, наличие которого позволяет относить культуры к числу личностно-ориентированных, является сама идея личности, т. е., признание обществом феномена самодетерминации, с одной стороны, и беспредпосылочности ценности индивидуальной жизненной и культурной практики – с другой. Л. М. Баткин акцентирует внимание читателя на том, что там, где нет идеи личности, отсутствует и само явление личности. По его мнению, феномен нововременной личности отсутствует в европейской культуре до XV в. Исходя из вышеизложенного, следует проанализировать феномен индивидуальности в контексте российского социокультурного пространства периода XVIII–XIX вв.

Согласно концепции Л. М. Баткина, тремя наиболее значимыми критериями, позволяющими классифицировать культуры как личностно-ориентированные, являются: а) присутствие в культурном контексте феномена самодетерминации, т. е. признание обществом способности индивида обуславливать свои поступки без санкции коллектива или традиции; б) наличие в культурном контексте идеи личности, т. е. согласие социума с результатами жизненной практики, предполагающей стремление к обоснованию своих решений и поступков без соотнесения с ценностным контекстом, выходящим за рамки индивидуальных установок;

в) использование членами социума термина «личность» (или эквивалентных определений).

Л. М. Баткин полагает, что на русской почве термин «личность» в современном этимологическом контексте был впервые использован Н. М. Карамзиным в первое десятилетие XIX в. Известный советский лингвист Р. А. Будагов считал, что процесс формирования современной этимологии слова завершился не ранее второй половины девятнадцатого столетия [5. С. 144]. Следовательно, использование гипотез, предполагающих обращение к определению нововременной личности на русской почве в период первой половины XVIII в., не может быть признано адекватным. Однако есть основания утверждать, что феномен личности не был механически перенесен на русскую почву извне. Появлению оригинального социокультурного явления должен был предшествовать сложный эволюционный процесс, затрагивающий пространство ментальных структур и человеческих представлений. Исследование эволюции проблем индивидуальности на русской почве должно быть сопряжено с анализом феномена русского социума XVIII–XIX вв., поскольку проблема актуализации новых терминов (в том числе заимствованных) и культурных явлений не может быть адекватно осмыслена без соотнесения с феноменом социального контекста рассматриваемой эпохи. В ходе анализа должен быть использован методологический подход, ориентированный на раскрытие закономерностей генезиса новых для данного периода этимологических контекстов, в данном случае в сфере анализа должно находиться определение «личность».

Представители нескольких поколений отечественных исследователей указанной проблемы констатируют факт сосуществования и взаимодействия на русской почве XVIII–XIX вв. двух цивилизационных модусов, характерных для народных масс и элитарного меньшинства. Отличительными чертами первого являются: а) стремление человеческой единицы культурно раствориться в массе себе подобных; б) отсутствие у членов общины понимания феномена индивидуальной жизненной практики, несанкционированной коллективом или традицией. Этот цивилизационный модус может быть обозначен как безличностное пространство, так как в нем отсутствуют элементы культуры нововременной индивидуальности.

Центральным элементом рабочей гипотезы, лежащей в основании исследования, является следующий тезис: процесс вызревания нововременной личности на русской почве был связан с феноменом формирования культуры элит, в данном случае в этой роли выступает русское дворянство. Значительным этапом в формировании личностно-ориентированной культуры

явились петровские реформы. Несмотря на то, что власть не была заинтересована в появлении человека нового типа (целью правящей элиты того времени была инвентаризация цивилизационных инноваций Западной Европы) [6. С. 522], процесс европеизации части населения настолько изменил тип сознания, что возврат к допетровскому традиционалистскому модусу мышления и поведения был уже невозможен. Привнесение на русскую почву западно-европейских научно-технологических образцов стимулировало стремление русских людей к постижению культурного кода западной цивилизации.

В течение первых четырех десятилетий XVIII в. отечественными интеллектуалами были усвоены не только результаты, но и практики западно-европейской научной мысли, философии, литературы, изобразительного искусства. Процесс создания новых культурных образцов требовал от мыслящих людей принятия нового типа отношения к члену социума вообще и к творческому человеку, в частности.

Кроме того, петровские преобразования обновляют правящий класс, наделяя носителей властных функций стремлением к независимому мышлению, в среде дворян-интеллектуалов формируется оригинальный стиль поведения, не ориентированный ни на коллективную волю, ни на традиционные ценности. На русской почве возникает тип нововременного ученого, человека, не придерживающегося теологических догматов и традиционалистских норм поведения (эта специфическая особенность нового типа познания была отмечена еще А. Радищевым).

В это же время усиливается стремление власти выработать у определенной части социальной элиты типологические черты, способствующие безоговорочному подчинению. Предпочтение повсеместно отдавалось военной и дипломатической службе, т. е. видам деятельности, где зависимость индивида от воли вышестоящего была наибольшей. По мнению Ю. М. Лотмана: «Психология служилого сословия была фундаментом самосознания дворянина XVIII в. Именно через службу осознал он себя частью сословия. Петр I всячески стимулировал это чувство – и личным примером, и рядом законодательных актов. Вершиной их явилась “Табель о рангах”, выработывавшаяся в течение ряда лет при постоянном и активном участии Петра I и опубликованная в январе 1722» [7. С. 22]. Выдающийся реформатор стремился перенести на русскую почву принцип регулярности, в значительной степени рационализированное государство заменило собой традиционную социальную матрицу допетровской эпохи.

Есть основания полагать, что тип взаимоотношений между властью и обществом, поро-

жденный эпохой преобразований, не способствовал широкому распространению на русской почве представлений об автономной индивидуальности (по выражению В. О. Ключевского: «Петр не склонен был признавать личность ни в себе, ни в окружающих») [8. С. 22].

Хронологические границы процесса формирования индивидуалистической культуры могут быть проведены в пределах от 40-х до 90-х гг. XVIII в. Источниками, позволяющими анализировать проблему индивидуальности на русской почве, являются педагогические и философские работы Н. И. Новикова. Есть основания полагать, что взгляды мыслителя на индивидуальность оказали значительное влияние на процесс формирования современного этимологического значения термина «личность».

Характерной особенностью социокультурного пространства России периода второй половины XVIII в. является стремление части населения страны ввести в повседневное употребление термин эквивалентный современному понятию «личность». Первые попытки внедрения данного понятия на русской почве были предприняты Екатериной II, А. Н. Радищевым, Н. М. Карамзиным. В данной связи труды Н. И. Новикова вызывают значительный интерес, поскольку определение «индивид», «индивидуальность» не используется писателем непосредственно, мыслитель пользуется эквивалентными терминами. Критический анализ историко-культурных источников позволяет определить идеал индивидуальности, характерный для русского интеллектуального пространства периода второй половины XVIII столетия. Процесс генезиса элитарной культурной среды, породившей такие явления, как творческая индивидуальность А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, не может рассматриваться в отрыве от контекста культурного и научного творчества эпохи XVIII в. В сфере анализа должны находиться явления жизненной практики и интеллектуального стиля виднейших представителей культуры того времени.

По мнению большинства исследователей, центральной проблемой литературного и философского творчества Новикова являлась проблема преобразования общества. Данная цель должна была быть достигнута посредством трансформации человеческой природы (интерес, проявленный писателем к масонской идеологии, был весьма закономерен, так как данный тип мировоззрения, с его ориентацией на специфические этические образцы был альтернативен и традиционному христианству, и рационалистической философии раннего Нового времени). Несоответствие жизненных реалий моральному идеалу породило в сознании мыслителя желание изменить человеческую сущность, вследствие чего Новиков занимается

написанием педагогических трактатов. Гуманистические пристрастия этого автора обусловили его ориентацию на западно-европейский антропософский идеал.

В основании его оригинальной педагогической концепции лежало представление о том, что целью воспитания является формирование счастливых людей, одновременно являющихся достойными гражданами: «Дети наши должны быть счастливыми людьми и полезными гражданами» [9. С. 422]. Интересно, что ни термин «личность», ни определения «индивид», «индивидуальность» не используются мыслителем. Разрабатывая педагогическую теорию, автор оперировал такими терминами, как «гражданин», «человек», «счастливый человек». При этом категория «счастье» ставилась в зависимость от способности индивида к нравственному и интеллектуальному совершенствованию. Роль идеального человека в учении Новикова играет просвещенный филантроп, заботящийся о благе государства, общества и окружающих его людей. В интерпретации В. В. Зеньковского, человеческий идеал мыслителя представлен как: «Разумный и добродетельный господин; он делает добро всем, кому только может; Он думает, что разум ему дан, чтобы служить государству, богатство – чтобы помогать бедным и, что для того родился он человеком, чтобы быть полезным всем людям» [10. С. 95]. Средством к достижению цели – создание гармоничного индивида, служило нравственное, интеллектуальное и физическое воспитание.

Подобный подход к осмыслению человеческого идеала свидетельствует о переходном характере антропологических воззрений мыслителя. Длительное пребывание в масонских кругах обусловило приверженность Новикова нововременной антропософской теории. Идеология масонов и просветителей была генетически связана с религиозной концепцией человека, однако революция в самодетерминации индивида, являвшаяся следствием культурной мутации просвещения, заставляет интеллектуальную элиту европейских стран переосмыслить христианскую интерпретацию проблемы человека. По мнению Н. В. Ковтун, «Просвещение, освободив человека от доктрины первородного греха (человек добр по природе), открыв ему путь к радикальному самосовершенствованию, одновременно лишило “лучшее творение Бога” покровительства самого Всевышнего. Человек остался один на один со своим жизненным циклом: без обязательного ритуала, без сопереживающего коллектива и без всеобъясняющего патриархального мифа» [11. С. 31]. Автор процитированного исследования подчеркивает элемент отрицания масонской доктриной просветительского наследия: «Открывшаяся перспектива знакомства “я” с собственной

природой, с новой культурой рационализма, усилением гармонизирующего (аполлоновского) начала, вызывала нарастающее сопротивление» [Там же].

Новиков не считает христианскую антропологию достаточным основанием для построения своей педагогической теории, что свидетельствует не только о стремлении автора нравоучительных трактатов к заимствованию элементов просветительской идеологии, но и о глубоких изменениях, произошедших в ментальных структурах русского человека периода второй половины XVIII столетия.

Социокультурные изменения потребовали от мыслителя создания нового типа учения о человеке, лишь отчасти опирающегося на традиционные ценности. Теория Новикова несет в себе и элементы религиозного понимания человеческой природы, и плоды рационалистической мысли нового времени. В основание трактата «О достоинстве человека в отношениях к богу и миру» была положена идея изменения статуса человеческого бытия. Автор акцентирует внимание читателя на феномене многомерности человеческого существа: «Бессмертный дух, дарованный человеку, его разумная душа, его тело, с несравненным искусством сооруженное к царственному зданию, и его различные силы суть такие вещи, которые безмерно важны и трудны для рассмотрения посредством рачительного. Между тем человек со всеми дарованиями, находящимися в нем, тогда только является в полном сиянии, когда взираем мы на него яко на часть бесконечных цепи существующих веществ» [9. С. 422].

При беглом рассмотрении, интерпретация мыслителем проблемы человеческого бытия не имеет специфических отличий от религиозной концепции человека. Подобно схоластам, Новиков считал человека божественным творением, мыслитель выдвигает на первый план душу и дух. Однако феномен телесной оболочки, считавшейся религиозными теоретиками греховным и изначально порочным элементом человеческого существования, занимает значительную и самодостаточную позицию в воззрениях Новикова. Автор акцентирует внимание читателя на проблемах совершенства физической структуры человеческого тела. Мыслитель в значительной степени отошел от церковной интерпретации проблемы человека как изначально греховного и ничтожного существа.

Апелляция к воле божества, наделившего человека совершенной, в потенции, природой, вызывает ассоциации как с еретическими верованиями средневековья, так и с элементами возрожденческой идеологии. Указанный теоретик стремится создать учение, способствующее раскрытию внутреннего потенциала человека. Анализируя феномен соотношения челове-

ской сущности, мира и божества, он формирует новый идеал развивающегося индивида, являющегося не только целью, но и средством.

В основе антропософской концепции Новикова лежит представление о том, что Бог сотворил космос, поставив явления и процессы мира в зависимость от человеческих потребностей. Человек замыкает цепь творений божества и приобретает ответственность за судьбы мира. «Если теперь рассмотрим, в каком отношении состоят человеки по своему естеству ко всем прочим тварям и к остатку всего мира, то предположим, что все вещества в мире таким образом друг со другом соединены, как реки с океаном, которые попеременно свои воды друг другу сообщают. Всякая тварь в мире есть цель всех других и средство ко всем другим» [9. С. 422].

По мнению мыслителя, божество наделяет человека амбивалентным статусом, человек является не только венцом творения, но и средством воплощения некой вселенской идеи. Феномен «средства» описывается в терминах служения универсальному проекту, в котором человеку отводится место рачительного хозяина, поддерживающего порядок и заботящегося о других божественных творениях. «Всякий в государстве ли, в земле ли какой или во граде живущий человек, почитая себя средством, долженствует своему отечеству и каждому своему сочеловеку служить и быть полезен» [Там же]. По мнению мыслителя, человек не является ни ничтожным рабом божественной воли, ни самодостаточным венцом творения, подменяющим собой божество. Предназначение человека заключается в том, чтобы прокладывать путь между двумя полюсами, одним из которых является его сопричастность творению, а другим – стремление соответствовать идеалу творца, филантропа и гражданина.

Проблема личности в работах мыслителя не рассматривается непосредственно, однако тщательный анализ работ Новикова позволяет сделать заключения в отношении интерпретации проблем индивидуальности в эпоху становления русской нововременной цивилизации. Мирозрение Новикова заключало в себе концепцию нового человека, что позволяет сформировать гипотезу, имеющую в основании тезис о наличии в воззрениях мыслителя элементов индивидуалистической культуры Запада. Центральным положением педагогической теории Новикова является идея о необходимости преобразования человеческой сущности. При этом сам процесс преобразования имел своей целью формирование счастливого и социально активного индивида. Подобный идеал

был немислим в контексте традиционной культуры России допетровского периода. Христианская антропология средних веков также закрепляет за человеком право на саморазвитие, но с абсолютно иными целями. Индивид, принадлежащий традиционной культуре, не стремится выходить за рамки религиозной концепции, где конечная цель представляет собой растворение в абсолютном божественном бытии. Таким образом, индивидуальность второстепенна по отношению к традиции и подчинена ей. Новиков придерживается иной концепции, его человек обретает право на выбор между порочной самодостаточностью и добродетельным служением государству и обществу. Процесс самодетерминации индивида связывается в учении мыслителя с этическими положениями, рассматриваемыми им как абсолютные истины (в этом проявляется преемственность его теории по отношению к христианскому учению). Однако феномен надления человека статусом важнейшего элемента бытия вселенной свидетельствует о значительных изменениях, происходивших в сознании интеллектуальной элиты России эпохи екатерининского правления.

Ценность работ Н. И. Новикова в свете указанной проблематики заключается в том, что именно его антропософская теория послужила первым звеном в эволюционной цепи представлений, способствовавших формированию нововременного этимологического контекста термина «личность» на русской почве.

Список литературы

1. *Философская энциклопедия*. М., 2001.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. 2-е изд. Т. 1.
3. *Выготский Л. С.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1983. Т. 3.
4. *Баткин Л. М.* Итальянское возрождение в поисках индивидуальности. М., 1990.
5. *Будагов Р. А.* История слов в истории общества. М., 2004.
6. *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. М., 1995.
7. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. М., 1995.
8. *Ключевский В. О.* Исторические портреты. М., 2002.
9. *Новиков Н. И.* Избранные произведения. М.; Л., 1954.
10. *Зеньковский В. В.* История русской философии: В 3 т. М., 1991. Т. 1.
11. *Ковтун Н. В.* Русская литературная утопия второй половины XX века. Томск, 2004.